ОБ УПРАВЛЕНИИ РЫНКОМ ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Фельдман М. А.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, к. 525, mihail.feldman@uapa.ru

УДК 331.5(470)
ББК 65.240.5(2Рос)

Цель. Изучение факторов, направлений и инструментов регулирования, влияющих на формирование современного рынка труда в Российской федерации и в Свердловской области.

Методы. На основе количественного и системного подходов проанализирована динамика показателей состояния рынка труда и его структурных лементов. Выявлена степень эффективности инструментов регулирования современного рынка труда в Российской федерации и в Свердловской области.

Результаты. В обстановке усиления влияния глобализации в 2009–2013 гг.; обострения конкуренции на мировом рынке произошло расширение практики частичной занятости (в подобных условиях работает каждый пятый работник в ЕС и каждый четвертый – в странах Восточной Европы) прогнозируется дальнейшее сокращение доли застрахованных работников с 75–80 до 50%, а также периодов полноценной занятости, что повлечет сокращение внесения средств на соцстрахование. Вопреки существующей в научной литературе точке зрения, рынок труда России не является исключением.

В 2013 г. очевиден шаг назад в качестве регулирования рынка труда. Федеральный бюджет перестал финансировать региональные программы содействия занятости, переложив всю ответственость и траты на областные бюджеты. В этом видна и определенная закономерность: общая неэффективность экономической политики в стране не могла не вызвать сокращение социальных расходов по всем направлениям. Стагнация в экономике усилила негативные явления и черты российского рынка труда: непрозрачность; широкомасштабный теневой сектор; слабые социальные гарантии; низкий уровень управленческих механизмов и инструментов регулирования.

Выход, на наш взгляд, заключается в максимально полном использовании возможностей ГЧП на рынке труда; в координации усилий бизнеса, профсоюзов и органов власти в модернизации институтов рынка труда, рабочей силы; совместном (в рамках социального партнерства) поиске резервов для повышения конкурентоспособности предприятий.

Научная новизна. В научной литературе последних лет к этой теме неоднократно обращались ученые и специалисты. В предложенной читателю статье впервые дается критический анализ состояния научных взглядов на состояние современного рынка труда в РФ; сделаны выводы о реальных тенденциях развития рынка труда на общенациональном и региональном уровнях.

Ключевые слова: рынок труда, занятые, безработные, инструменты регулирования, рейтинг, эффективность, скрытая безработица, экономическая конъюнктура.

ON LABOR MARKET CONTROL IN MODERN RUSSIA

Feldman M. A.

Doctor of Science (History), Professor of the Public Management and Political Technologies Department of The Urals Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), r. 525, 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, Russia, mihail.feldman@uapa.ru

Purpose. To study factors, directions and tools of regulation influencing the development of the modern labor market in the Russian federation and Sverdlovsk region.

© Фельдман М. А., 2015

Methods. Based on quantitative and systematic approaches the analyzed the dynamics of indices of labor market situation and its structural elements. The author identified the efficiency degree of regulating tools of the modern labor market in the Russian federation and Sverdlovsk region.

Results. In the conditions of strengthening the influence of globalization in 2009–2013; aggravation of competition on the world market there is an expansion of part-time employment practice (in similar conditions every fifth employee works in EC and every fourth employee works in the Eastern Europe countries); experts expect further reduction of a share of secured employees from 75–80% up to 50%, and also periods of full-time employment which will lead to reduction of deduction means for social security. Contrary to the existing in the scientific literature point of view, labor market of Russia is not an exception.

In 2013 a step backward was evident as tool for labor market regulation. Federal budget ceased its funding of regional programs of employment support, shifting responsibility and expenses to regional budgets. There is some logic in it: general inefficiency of economic policy in the country could not but leading to reduction of social expenses in all directions. Economic stagnation strengthened negative phenomena and characteristics of the Russian labor market: non-transparency; a large-scale shadow sector; poor social guarantees; low level of controlling mechanisms and tools of regulation.

In our opinion, the result is in fullest use of abilities of public-private partnership on labor market; in coordination of business, trade unions and power bodies efforts in modernization of labor market institutes, labor; joint (within the framework of social partnership) search of reserves for improvement of business competitiveness.

Scientific novelty: In scientific literature of most recent years, many scientists and experts dealt with that issue. In the given article for the first time ever the author introduces a critical analysis of the situation with scientific views on the modern labor market in the RF; makes conclusions on real trends of labor market development on a national and regional levels.

Key words: labor market, the employed, the unemployed, regulating tools, rating, efficiency, quasi-unemployment, economic conjuncture.

Рынок труда является важнейшим компонентом социально-экономической сферы жизнедеятельности современного российского общества. При этом содержание рынка труда является следствием лежащих в его основе структурообразующих явлений и элементов. От качества осмысления сущности основ рынка труда зависят научные оценки происходящих в реальности процессов на общенациональном и региональных рынках трудах[13, с. 3]

Трудно найти специалиста, чьи статьи, посвященные российскому рынку труда, столь часто не публиковались в современной экономической литературе вообще, и в частности, в журнале «Вопросы экономики», как работы Р. И. Капелюшникова. Статья Р. И. Капелюшникова и А. Ю. Ощепкова «Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития» [12], повторяя уже неоднократно звучавшие ранее мысли Р. И. Капелюшникова» [8, 9, 10, 11, 12], вместе с тем, носит и в определенной степени обобщающий характер. Сюжет «загадочности» российского рынка труда (2003 г.) [9], , казалось бы, сменился выводом о «конце российской модели рынка труда» (2009 г.) [10], но в 2014 г. «загадочность» вернулась вновь, пусть и в форме «парадоксов». В чем же заключается загадочность (парадоксальность) российского рынка?

В статье 2014 г. отмечается, что, в России, вступившей с 2012 г. в период последовательно затухающих темпов экономического роста (темпы роста с 5,1% в последнем квартале 2011 г. упали до 2% в последнем квартале 2013 г., опустившись до еще более низких значений в первые два квартала 2014 г.), несмотря на нарастание экономических трудностей, ключевые индикаторы рынка труда – показатели экономической активности занятости, безработицы, найма, увольнений и вакансий – продолжали оставаться на весьма благоприятных уровнях [12, с. 66]. Ситуация в экономике естественным образом проецируется на рынок труда. Осенью 2013 г. вполне оправданными выглядели, как намерения правительства отказаться «от политики сохранения занятости населения любой ценой» (премьер-министр Д. Медведев), так и предостережения о «возможном ухудшении ситуации с безработицей» (министр экономического развития А. Улюкаев) и даже о «возможном кризисе на рынке труда» (вице-премьер О. Голодец) [12, с. 67].

Однако, подчеркивают Р. И. Капелюшников и А. Ю. Ощепков, до сих пор реальное поведение российского рынка труда мало соответствовало пессимистическим ожиданиям и прогнозам: несмотря на постепенное угасание темпов экономического роста, безработица продолжала удерживаться на рекордно низкой отметке (5–5,5%). Складывается впечатление, что резкого ухудшения положения дел в экономике рынок труда фактически «не заметил» [12, с. 67].

«Загадочность» поведения российского рынка труда только усиливается информацией о том, что безработица в странах ОЭСР (т. е. большинстве развитых стран мира) в целом достигла в первом квартале 2010 г.

8,7% экономически активного населения, что стало послевоенным максимумом. По сравнению с декабрем предкризисного 2007 г. она выросла почти в 1,5 раза! Однако даже эта цифра далеко не полностью характеризует сложность ситуации в сфере труда, ***так как наряду с безработицей выросла численность работников, переведенных на неполный график, и тех, кто покинул рынок труда, не надеясь найти новую работу.*** Общая численность этих двух групп (относящихся к категории «скрытая безработица») в конце 2009 г. даже превысила общее число безработных [1, с. 102]. Как видно в поведении рынка труда стран ОЭСР нет никакой загадочности: основным видом безработицы стала «скрытая безработица».

Если в период мирового экономического кризиса 1990–1993 гг. корреляция между изменением реального ВВП и показателем безработицы в странах ОЭСР составила –0,7, то в 2008–2009 гг. этот показатель снизился до –0,35, что означает гораздо большую гетерогенность. Однако в 21 веке для большинства развитых стран основным средством смягчения напряженности на рынке труда стало сокращение отработанных часов и в значительной меньшей степени сокращение персонала. Классическим образцом подобной политики является Германия, которая широко применяла программы сокращенного рабочего времени [1, с. 102].

Тренд «скрытой безработицы» уже мало зависит от периодов подъема или спада экономической эффективности. В обстановке усиления влияния глобализации в 2009–2013 гг.; обострения конкуренции на мировом рынке произошло расширение практики частичной занятости (в подобных условиях работает каждый пятый работник в ЕС и каждый четвертый – в странах Восточной Европы) прогнозируется дальнейшее сокращение доли застрахованных работников с 75–80 до 50%, а также периодов полноценной занятости, что повлечет сокращение внесения средств на соцстрахование [19].

Но, может быть, Россия демонстрирует исключение из правил? Однако исследования росийских экономистов показывают иное: действительно, объем производства в 1991–1998 гг. сократился более чем на 40%, при этом уровень занятости, фиксируемый статистикой, уменьшился всего лишь на 15% [21, с. 89].

Но это был весьма *неполный показатель*. На основе эконометрических расчетов было выявлено, что данные о среднегодовой численности занятых в российской экономике недостоверно отражают реальные затраты труда в период экономического спада 1990-х годов, в связи с чем на рынке труда появилась такая характеристика, как «скрытая безработица». Алгоритм расчета занятости был предложен исходя из того, что в условиях неизменности технологий снижение объемов валового выпуска сопровождается незначительными колебаниями в уровне производительности труда.

Поэтому для оценки реальных затрат труда производительность труда была задана неизменной величиной на уровне 1990 г. Разница между номинальной и расчетной занятостью дает величину ***скрытой безработицы***, пик роста которой, согласно оценкам, пришелся на 1996 г. и составил около 28 млн. чел. Действительно, показатель отработанных человеко-часов в целом по российской экономике в период с 1990 по 1998 г. сокращался более интенсивно, чем численность занятого населения – так, в 2000 г. по сравнению с 1990 г. занятость в экономике снизилась на 15,8%, тогда как объем отработанных человеко-часов уменьшился на 24,4%. Исследования затрат рабочего времени, которые, как известно, характеризовались резким снижением в 1990-х годах, свидетельствуют о том, что ***около четверти персонала на крупных и средних предприятиях работали в режиме неполного рабочего времени*** [21, с. 90].

Таким образом, модель рынка труда, сложившаяся в российской экономике, с 1990-х г. активно использует «скрытую безработицу» как специфическую форму решения экономических проблем. Цена «скрытой безработицы» в кризисные годы в России в условиях девальвации социальных гарантий – хорошо известна[18].

Изменилась ли ситуация в нашей стране в 2000–2014 гг.? Расчеты исследователей показывают: скрытая безработица – постоянное явление на российском рынке труда независимо от экономической конъюктуры [21, с. 100–101], демонстрируя не «загадочность», а схожесть со странами ОСЭР в способе решения экономических проблем (от стагнации до модернизации производства).

Подлинная проблема заключается в том, что само явление «скрытой безработицы» в России носит куда более масштабный характер, чем в ЕС. Отчасти, это объясняется тем, что органы статистики скрытую занятость прослеживают только по предприятиям, где работает половина занятых в российской экономике, поскольку из примерно 70 млн. занятых: 23% работают на крупных и средних предприятиях, 27% – бюджетники, 23% – малый бизнес и индивидуальные предприниматели. Чем заняты еще 23% – загадка. Это люди, работающие в теневой экономике[6, с. 11]. Но ограниченность прозрачности современного рынка труда в России только следствие явления более высокого порядка – ограниченности степени его регулирования.

В период кризиса 2009 г. по мнению руководителей Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), в целом в России произошел масштабный спад на рынке труда. Режим неполной рабочей недели или сокращенного дня был введен на 50,1%

предприятий (на основе профсоюзной базы данных). Эти данные в разы отличаются от официальной статистики Минздравсоцразвития. Это объясняется тем – прокомментировала заместитель председателя ФНПР Нина Кузьмина – что, во-первых, профсоюзы учитывают и тех, кого «выдавили» с работы «по собственному желанию» или «по соглашению сторон». К тому же далеко не все из уволенных обращаются в службу занятости, а потому и не учитываются официальной статистикой. Во-вторых, ряд предприятий идут на лукавство: формально переходят на нормальный режим работы, при этом работники в массовом порядке пишут заявления о предоставлении им по пятницам отпуска за свой счет [4].

Подобная практика прочно вошла в повседневную жизнь российского рынка труда. Анализируя итоги относительно благополучного 2012 г., «Информационный бюллетень Федерации проофсоюзов Свердловской области» от 24 апреля 2014 г. отмечает: «все большее распространение получают незащищённые формы занятости. Происходит сдвиг от постоянной занятости к временной; от полной – к неполной; от работы на предприятии – к надомному труду; от работы в штате организации – к работе вне штата. Растет число неформально занятых. Согласно оценкам Росстата в 2012 г. их число возросло в 1,7 раза по сравнению с 2008 г. и составило 14,6 млн. человек» [7].

После таких практически совпадающих высказываний руководителей правительства, экономистов, профсоюзных лидеров трудно поверить в слова о том, что рынок труда в России не «заметил кризиса 2009 г.»; «не отреагировал на стагнацию 2012–2014 гг.».

Характерной чертой рынка труда в нашей стране, также обойденной авторами статьи 2014 г., следует считать тренд *ухудшения условий труда* занятых в экономике. Как указывает Постановление Исполкома ФНПР от 25 июня 2014 г., наблюдается устойчивая динамика роста доли работников, занятых во вредных и опасных условиях труда во всех видах экономической деятельности. По данным Росстата удельный вес работников, занятых во вредных условиях труда, в период с 2007–2013 гг. вырос с 24,9 до 32,2%. Практически каждый третий работник трудится во вредных условиях труда (свыше 22 млн. чел.), около четверти этих работников составляют женщины[16].

К достоинствам своей статьи Р. И. Капелюшников и А. Ю. Ощепков отнесли рассмотрение таких составляющих рынка труда, как: состояние занятости, безработицы, выбытия и найма[12, с. 67]. О степени достоверности статистических данных, используемых авторами, уже говорилось выше: они опираются на сведения, касающиеся половины занятых – бюджетников и работников крупных и средних предприятий. Но как обстоит дело с такими изменениями занятости в экономике РФ как, например, с межотраслевым перетоком занятого населения, приводящим к возникновению, с одной стороны, вакантных рабочих мест, с другой стороны, фрикционной безработицы [24]? Либо с межрегиональным движением занятого населения? [5].

Ответа в рассматриваемой публикации найти невозможно, хотя в том же номере журнала «Вопросы экономики» Р. И. Капелюшников (вместе с соавторами) касается указанной проблемы[2].

Сделав принципиальное замечание – «российская статистика движения рабочих мест охватывает только крупные и средние предприятия» [5, с. 97]. , авторы констатируют: в последние годы в среднем за год в секторе крупных и средних предприятий создавалось примерно 3–4 млн новых рабочих мест за счет расширения занятости на одних предприятиях и примерно столько же ликвидировалось за счет их сокращения на других[2, с. 98].

На первый взгляд, оснований для беспокойства в этой информации нет, тем паче, что в Докладе о мировом развитии за 2013 г. суммарные годовые показатели создания рабочих мест варьируют от 10 до 18%, а ликвидации — от 10 до 15%. Российские показатели находятся ниже нижней границы интервала, наблюдаемого для стран с развивающейся и переходной экономикой[2, с. 103]. Нет, казалось бы, оснований для беспокойства и в многолетней устойчивой близости показателей найма и увольнений работников[12, с. 86].

Однако даже с количественной точки зрения, в промышленности России в среднем за год создавалось порядка 600–700 тыс. рабочих мест, а наблюдаемый масштаб ликвидации варьировал от 1,5 млн в кризисном 2009 г. до 720 тыс. в посткризисные 2011–2012 гг. [2, с. 98].

Как видно, сопоставление приведенных выше цифр позволяет обнаружить один из важных векторов межотраслевого перетока занятого населения: последовательное сокращение занятых в промышленности. Масштаб прриходящего в промышленности России, конечно, заметен и в период 2008–2012 гг. при сокращении занятых на 12%: с 10126 тыс. в 2008 г. до 8797 тыс. работников в 2012 г. [2, с. 99]. Сопоставление с занятостью в промышленности страны в 1990 г. – почти 21 млн. чел. [17]– позволяет сделать куда более обстоятельный вывод о параметрах деиндустриализации экономики за постсоветские годы: сокращении численности занятых в промышленности в 2,5 раза! Если в 1990 г. занятые в промышленности составляли 30,5% всех работающих в экономике, то в 2012 г. – менее 12%. Вот это глобальное изменение отраслевой структуры занятости удивительным образом не заметили авторы публикации.

И все-таки, все перечисленные изменения коррелируются прежде всего с индустриальной эпохой. Для

постиндустриальной стадии развития более важны изменения, связанные с уровнем отдачи работников на рынке труда.

Характерно, что если доля специалистов в общей массе занятых на российском рынке труда составляет (34,2%) , немногим отличаясь от Франции (35,5%) и от Германии (41%) – в данном случае Россия в рейтинге наиболее развитых стран занимает 12 место – то по числу эквивалентных патентных заявок на один миллион занятых ситуация совсем иная: РФ – 44, 4 тыс.; Германия – 434, 8 тыс.; Франция – 253 тыс. (и только 22 место в рейтинге). Еще более печальная картина по объему наукоемкового экспорта на одного занятого РФ – 77 дол. ; Франция – 4077– Германия 4614 дол. (у РФ – 32 место) в рейтинге [23, с. 7]. Доля инновационно активных предприятий в общей массе предприятия в России в 2010 г. составляла 9,3%; во Франции – 79%; в Германии 78% что приносит нашей стране (отнюдь не почетное) 30 место[23, с. 7].

Знаменательно, что в рейтинге государств по **эффективности рынка труда** Россия в 2007 г. (среди 139 развитых стран) – занимала 33-е место, а в 2010 г. опустилась на 57-е место [22, с. 252]. (В указанном рейтинге за 2013–2014 гг. Россия заняла 64-е место из 148 стран) [20]. Между тем, эффективность рынка труда – один из важнейших элементов динамично развивающейся рыночной экономики. Показатель «эффективность рынка труда» — один из компонентов Индекса глобальной конкурентоспособности (ИГК), который является предметом изучения Всемирного Экономического Форума (ВЭФ) с 1979 г. Он обобщает результаты микро- и макроэкономических исследований конкурентоспособности экономики стран. Компоненты ИГК образуют 12 основополагающих базисов конкурентоспособности: *институты,* инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здравоохранение, образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, *эффективность рынка труда,* уровень развития финансового рынка, оснащенность новыми технологиями, размер рынка, уровень развития бизнеса, инновации [22, с. 252].

И для Всемирного Экономического Форума «загадочность» и «парадоксальность» российского рынка труда рассеиваются при применении научных методов исследования. Как уже отмечалось выше, эффективность рынка труда во многом зависит от институтов. В Государственной программе «Содействие занятости населения на 2013–2020 гг.» с общим финансированием в 634,8 млрд руб., только 23, 4 млрд руб. или 4% запланированы на совершенствование институтов рынка труда[3, с. 10].

С учетом того, что задачами Подпрограммы № 3 Государственной программы «Содействие занятости населения на 2013–2020 гг.» – «Развитие институтов рынка труда» – являются: разработка 800 профессиональных стандартов в соответствии с требованиями экономики; создание условий для повышения качества рабочей силы и развития ее профессиональной мобильности; улучшение условий труда и сохранения здоровья работников; обеспечение защиты трудовых прав граждан – речь идет об экономии на важнейших инструментах регулирования рынка труда.

К чему ведет такая экономия на совершенствовании управленческих механизмов – проиллюстрируем на примере Свердловской области.

Сравнительный анализ финансовых годовых отчетов Департамента по труду и занятости Свердловской области – за 2011[14] и 2013 гг. [19]. позволяет раскрыть характерные черты эволюции политики содействия занятости на рынке труда Свердловской области в течение трех последних лет, олицетворяющих переход от «благополучного» 2011 г. к «стагнационному» 2013 г.

На первый взгляд, бросается в глаза увеличение (почти в пять раз, с 450 млн. рублей до 2,14 млрд рублей) расходов на содействие занятости на рынке труда Свердловской области в период 2011–2013 гг. Однако оптимизм заметно убавляется при внимательном сравнении внутрипрограммных разделов финансирования. Две трети расходов в 2013 г. (64%) пришлись на «Социальную поддержку безработных граждан» (почти на 90% состоящую из трат на пособия по безработице).

Из оставшихся 768 млн. рублей – 558 млн. (или 73%) ушли на обеспечение деятельности центрального аппарата и обеспечение деятельности государственных казенных учреждений службы занятости населения Свердловской области.

Таким образом, собственно на содействие занятости на рынке труда Свердловской области в 2013 г. было потрачено всего 210 млн. рублей, или более чем в два раза меньше, чем (в сопоставимых расходах) в 2011 г. Не менее важен вопрос: как распределялись эти деньги? Наиболее перспективным направлением в программах содействия занятости является опережающее профессиональное обучение. В 2011 г. на эти нужды федеральный бюджет выделил 49 млн. рублей или 11% всех расходов. В 2013 г. расходы на опережающее профобучение были адресованы только работникам предприятий, относящихся к производству боеприпасов и спецхимии; кроме того, указанные расходы ограничивались суммой в 1 млн. рублей, или менее полпроцента всех расходов на содействие занятости (!). Негативный характер столь масштабного сокращения очевиден.

Масштабному сокращению в 2013 г. подверглись и расходы на самозанятость: с 237, 5 млн. рублей

в 2011 г. (52,8% всех расходов) до 17 млн. в 2013 г. – (8% всех расходов). Нетрудно заметить, что финансирование ***двух важнейших инструментов содействия занятости*** – расходов на опережающее профобучение и самозанятость – сократилось с 63,8% от всех расходов, до всего 8,5%. Отметим и то, что вышеназванные инструменты содействия занятости (опережающее профобучение и самозанятость) нацелены на *предотвращение* безработицы, т. е. на недопущение «социального пожара».

Основными видами расходов в 2013 г. стали профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации *безработных* граждан – 79 млн. рублей (38%); организация временных работ для б*езработных* граждан различных возрастов (в сумме – 44 млн. рублей или 21%) и, близкая к ним по значению, организация общественных работ 14,7 млн. рублей (7%). Как видно, в 2013 г. две трети трат (66%) пошли на тушение «социального пожара»: либо на временное трудоустройство, как правило, на неквалифицированные низкооплачиваемые рабочие места; либо на экстренное обучение людей, уже оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В этом проявляется главное отличие финансирования 2013 г. от предшественника – 2011 г.

Два дополнения: позитивное – увеличение расходов на трудоустройство инвалидов с 24 млн. рублей в 2011 г. до 31 млн. рублей в 2013 г. (15%); а также негативное – уменьшение расходов на содействие безработным гражданам и членам их семей в переезде в другую местность – с 43,2 млн. до 3,8 млн. рублей – не меняют сути сказанного.

В 2013 г. очевиден шаг назад в качестве регулирования рынка труда в регионе. По оценке специалистов Департамента по труду и занятости, это связано с тем, что за исключением раздела «Социальная поддержка безработных граждан» (т. е. пособий по безработице), федеральный бюджет перестал финансировать региональные программы содействия занятости, переложив всю ответственость и траты на областной бюджет. В этом видна и определенная закономерность: общая неэффективность экономической политики в стране не могла не вызвать сокращение социальных расходов по всем направлениям. Стагнация в экономике усилила негативные явления и черты российского рынка труда: непрозрачность; широкомасштабный теневой сектор; слабые социальные гарантии; низкий уровень управленческих механизмов и инструментов регулирования.

Инфраструктуру Российского рынка труда отличает разрозненность усилий учреждений госсектора и частных фирм, занимающихся трудоустройством; отсутствие единой госпрограммы подготовки кадров.

Кроме того, важнейшей проблемой остается дефицит квалифицированной рабочей силы. На что направлена деятельность Инфраструктуры рынка труда в странах РКС? На создание рабочих мест, отвечающих современным мировым стандартам в плане автоматизации и компьютеризации; мероприятия в сфере охраны труда, регулирование гарантий социальной защищенности. На что сегодня направлена деятельность Инфраструктуры рынка труда в России? На трудоустройство незанятых работников вообще. В этом заключается принципиальное отличие Инфраструктуры рынка труда в России.

Майские (2012 г.) Указы президента нацеливают на создание 25 млн. высокотехнологичных рабочих мест, в том числе, 700 тыс. – в Свердловской области. В нашей области надо еще ***создать*** 400 тыс. высокотехнологичных рабочих мест и ***обновить*** 300 тыс. рабочих мест.

Здесь вновь возникает вопрос: какие субъекты управления регулируют рынок труда? В РКС – система министерств и национальных агентств по контролю. В России – только в мае 2012 г. было воссоздано Министерство труда и социальной защиты. Однако на уровне региона его представительства Министерства труда и социальной защиты отсутствуют. С учетом очевидной разрозненности усилий министерств экономики, промышленности, социальной политики, Департамента труда и занятости в сфере рынка труда, существует настоятельная необходимость создания министерства труда на региональном уровне, способного скоординировать такую работу. К этому же подталкивает и выполнение

Недостаток управленческих структур на рынке труда и формальность контроля за рынком труда – представляют собой то принципиальное отличие рынка труда в России, без преодоления которого невозможна модернизация экономического потенциала.

Наряду с реорганизацией органов власти, ответственных за регулирование рынка труда, выход, на наш взгляд, заключается в максимально полном использовании возможностей ГЧП на рынке труда; в координации усилий бизнеса, профсоюзов и органов власти в модернизации институтов рынка труда, рабочей силы; совместном (в рамках социального партнерства) поиске резервов для повышения конкурентоспособности предприятий.

Дальнейшее совершенствовование рынка труда заключается **в комплексности мер** укрепления социальных гарантий работников**:** создании целевых программ создания высокотехнологичных рабочих мест, включающих стандарты соцпакета, соцзащиты, финансирование переезда, доступность жилья; программ рациональности распределения трудовых потоков.

Решение указанных проблем российского рынка труда осложняется тем, что экономическая

наука – яркий пример, статья Р. И. Капелюшникова и А. Ю. Ощепкова « Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития» – не смогла дать научный анализ состояния рынка труда в современной России; определить наличие и конкурентную борьбу моделей и секторов рынка труда; оценить степень организации и структуризации рынка труда.

Реальная действительность рубежа 2014–2015 гг. не оставляет время на отставание науки от потребностей преодоления кризисных явлений в экономике, включая рынок труда.

Литература:

1. Вишневская Н. Рынок труда в режиме рецессии // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 5. С. 101–109.
2. Гимпельсон В., Жихарева О., Капелюшников Р. Движение рабочих мест: что говорит российская статистика // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 93–126.
3. Государственная программа Российской Федерации «Содействие занятости населения» на 2013–2020 гг. // Портал государственных программ Министерства финансов РФ [электронный ресурс]. URL: http://www.gosprogrammy.gov.ru/Main/Start (дата обращения 08.01.2015 г.)
4. Грицюк М. Лукавый отпуск // Российская газета. 2009. 27 октября. С. 8.
5. Единак Е. А. Межрегиональное движение занятого населения в системе макроэкономических показателей (на примере федеральных округов РФ). АКД. М., 2014.
6. Ермак С. В поисках мумие // Эксперт. 2012. № 48. С. 8–11.
7. Информационный бюллетень Федерации проофсоюзов Свердловской области» от 24 апреля 2014 // Текущий архив Департамента труда и занятости Свердловской области.
8. Капелюшников Р. И. Общая и регистрируемая безработица: в чем причины разрыва? // Препринт WP3/2002/03. М.: ГУ ВШЭ. Серия WP3. 2002.
9. Капелюшников Р. И. Российская модель рынка труда: что впереди? // Вопросы экономики. 2003. № 4. С. 83–100.
10. Капелюшников Р. И. Конец российской модели рынка труда? // Препринт WP3/2009/06. М.: ГУ ВШЭ. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». 2009.
11. Капелюшников Р. И. Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 52–66; Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 120–147.
12. Капелюшников Р. И., Ощепков А. Ю. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 66–92.
13. Локтюхина Н. В. Концепция социально-экономических основ рынка труда современной России: теоретико-методологические и управленческие аспекты. АДД, М., 2011.
14. Освоение средств по Государственной программе «Содействие занятости населения в Свердловской области» в 2011 г. // Текущий архив Департамента по труду и занятости Свердловской области.
15. Освоение средств по Государственной программе «Содействие занятости населения в Свердловской области» в 2013 г. // Текущий архив Департамента по труду и занятости Свердловской области.
16. Об условиях труда и деятельности технической инспекции труда за отчетный период: Постановление Исполкома ФНПР от 25.06.2014 № 3-5 [электронный ресурс]. URL: http://www.fnpr.ru/n/2/15/187/9633.html. (дата обращения 19.10.2014 г.)
17. Промышленные ведомости. 2002. № 6. [электронный ресурс]. URL: http://www.promved.ru/jan_2002_06.shtm. (дата обращения 12.05.2011 г.).
18. Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // Социс. 2004. №. 4. С. 33–44.
19. Роик В. Эволюция трудовых и социально-страховых отношений: перспективы для России. Человек и труд. 2013. № 2. С. 12–18.
20. Россия в международных рейтингах. Раздел «Экономика». MD World Competitiveness [электронный ресурс]. URL: http://newsruss.ru/doc/index.php (дата обращения 08.01.2015 г.)
21. Узякова Е. С. , Узяков М. Н. Занятость и эффективная занятость в российской экономике // Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 89–101.
22. Устинова К. А. Эффективный рынок труда как одна из составляющих конкурентоспособности страны и региона // Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 251–254.
23. Цапенко И. П. Человеческие ресурсы в сфере науки и технологий: состояние и эффективность использования // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 3–15.
24. Шваков Е. Е. Оценка потребности региональной экономики в кадрах // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 2. С. 61–67.

References:

1. Vishnevskaya N. Labor market in the mode of recession // Mirovaya ekonomika I mezhdunarodniye otnosheniya. 2013. № 5. P. 101–109.
2. Gimpelson V., Zhikhareva O., Kapelyushnikov R. Working places movement: what the Russian statistics says // Voprosy ekonomiki. 2014. № 7. C. 93–126.
3. Government program of the Russian Federation “Support of population employment” for 2013–202 // Portal

of government programs of the RF Ministry of Finances [e-resource]. URL: http://www.gosprogrammy.gov.ru/Main/Start (date of reference 08.01.2015).
4. Gritsyuk M. Cunning holidays // Rossiskaya gazeta. 2009. October 27, 2009. P. 8.
5. Edinak E. A. Inter-regional movement of employed people in the system of macroeconomic indices (exemplified by federal districts of the RF). AKD. M., 2014.
6. Ermak S. In search of mumiyo // Expert. 2012. № 48. P. 8–11.
7. Informational bulletin of the Trade Unions Federation of Sverdlovsk region dated April 24, 2014 // The current archive of the Labor and Employment Department of Sverdlovsk region.
8. Kapelyushnikov R. I. General and registrated unemployment: what is the reason of disruption? // Preprint WP3/2002/03. M.: GU VShE. Series WP3. 2002.
9. Kapelyushnikov R. I. The Russian model of the labor market; what is ahead? // Voprosy ekonomiki. 2003. № 4. P. 83–100.
10. Kapelyushnikov R. I. The end of the Russian model of labor market? // Preprint WP3/2009/06. M.: GU VShE. Series WP3 «Problems of labor market». 2009.
11. Kapelyushnikov R. I. Demand and supply of highly-qualified labor in Russia: who ran faster // Voprosy ekonomiki. 2012. № 2. P. 52–66; Voprosy ekonomiki. 2012. № 3. P. 120–147.
12. Kapelyushnikov R. I., Oshchepkov A. Yu. The Russian labor market: paradoxes of post-crisis development // Voprosy ekonomiki. 2014. № 7. P. 66–92.
13. Loktyukhina N. V., Concept of social-economic basics of labor market in modern Russia: theoretical-methodological and managerial aspects. ADD, M., 2011.
14. Application of funds on the Government program "Promotion of employment in Sverdslovsk region" in 2011 // Modern archive of Labor and Employment Department of Sverdlovsk region.
15. Application of funds on the Government program "Promotion of employment in Sverdslovsk region" in 2013 // Modern archive of Labor and Employment Department of Sverdlovsk region.
16. On conditions of labor and activity of technical labor inspection for the covered period: Enactment of the Executive Committee dated 25.06.2014 № 3-5 [e-resource]. URL: http://www.fnpr.ru/n/2/15/187/9633.html. (date of reference 19.10.2014)
17. Promishlenniye vedomosty. 2002. № 6. [e-resource]. URL: http://www.promved.ru/jan_2002_06.shtm. (date of reference 12.05.2011).
18. Rimashevskaya N. M. Poverty and marginalization of population //Sotsis. 2004. №. 4. P. 33–44.
19. Roik V. Evolution of labor and social-insurance relations: perspectives for Russia. Chelovek i trud. 2013. № 2. P. 12–18.
20. Russia in international ratings. Chapter "Economics". MD World Competitiveness [e-resource]. URL: http://news-russ.ru/doc/index.php (date of reference 08.01.2015)
21. Uzyakova E. S., Uzyakov M. N. Employment and efficient employment in the Russian economy // Problemy sovremennoy ekonomiki. 2011. № 2. P. 89–101.
22. Ustinova K. A. Efficient labor market as a component of competitiveness of the country and region // Problemy sovremennoy ekonomiki. 2011. № 2. P. 251–254.
23. Tsapenko I. P. Huiman resources in the sphere of science and technologies: status and use efficiency // Mirovaya ekonomika I mezhdunarodniye otnosheniya. 2014. № 4. P. 3–15.
24. Shvakov E. E. Evoluation of regional economy demands in personnel // Uroven zhizni naseleniya regionov Rossiyi. 2012. № 2. P. 61–67.